

ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

КРИМИНАЛ И КРИЗИС

IV. Мафия в эпоху кризиса

По мере того как разрастается кризис, появляются противоречивые сообщения о том, как на это реагируют структуры организованной преступности, или, если использовать обобщенный термин, – мафия. Некоторые СМИ сообщали, что якобы мафия “осталась без работы”, а в Японии члены “якудзы” чуть ли не получают пособие по безработице. Конечно, это – из области желаемого. Жизнь показывает, что *любые кризисы мафия использует себе во благо*. В январе 2009 г. ООН сообщила, что, по данным исследований, проведенных ее экспертами, крупные кланы мафии ринулись в главные международные банки. В этой связи исследователь каморры – неаполитанской мафии Роберт Савиано полагает, что банки “из-за кризиса рады любым деньгам, чтобы остаться на плаву. И это чудовищно. Не только потому, что грязные деньги попадают в межбанковскую среду, это и так происходило десятки лет, но и потому, что крупные вкладчики, в данном случае из мафии, могут навязывать банкам свою волю: кому давать кредиты, кого поддерживать. Это означает, что мы столкнулись с опасностью утратить контроль над нашим будущим. Мафия будет решать всё, исходя из своих интересов” (см.: *Europeews*, 4 февраля 2009).

Директор Управления ООН по наркотикам и преступности Антонио Мария Коста в интервью лондонскому еженедельнику *Observer* в декабре 2009 г. заявил: в самые трудные времена кризиса, когда банки списывали убытки десятками миллиардов долларов, многие из них были спасены деньгами организованной преступности. Он назвал даже сумму “грязных” денег, которая была отмыта, – 352 млрд долларов, но не указал конкретные банки.

“Во многих городах и странах, – рассказал Коста британским журналистам, – деньги, полученные от продажи наркотиков, были единственным ликвидным капиталом для инвестиций. Во второй половине 2008 года главной проблемой всех банков была ликвидность. Поэтому ликвидный капитал превратился в очень важный фактор функционирования и самого существования финансовой системы”.

Информация о том, что деньги организованной преступности помогли ряду банков пережить самые тяжелые времена, была получена из Великобритании, США, Швейцарии и Италии. Отмытые деньги ушли в экономику и там тоже помогли многим компаниям справляться с кризисными трудностями.

* Окончание. Начало в № 6 за 2010 год.

Специалисты считают, что большую часть незаконных доходов организованная преступность традиционно получает от торговли наркотиками. По оценкам Антонио Марии Косты, общая сумма наркодоходов превышает 400 млрд долларов в год. Наркобароны по традиции держали деньги в наличности или прятали их от властей своих стран в оффшорах. В кризисные времена к этим механизмам добавились еще и банки.

Исследования, проведенные в период кризиса в Италии, показывают, что по мере роста счетов на оплату и дефицита банковских кредитов все больше жителей этой страны обращаются за деньгами к криминальным структурам. “Кредитные акулы” мафии чувствуют новые возможности.

В то время, когда компаниям больше всего необходимы займы на фоне спада продаж, роста долгов и надвигающегося банкротства, банки ужесточили свои требования к заемщикам. Банки Италии, которые часто подвергались критике за купное кредитование мелких и средних предприятий, теперь полностью захлопнули дверь перед ними, – считает Джан Мария Фара, президент частного исследовательского института Eurispes. Однако “кредитные акулы” решили извлечь выгоду из сложившейся ситуации. По данным Confesercenti, национальной ассоциации владельцев магазинов, в начале 2009 г. около 180 тыс. предприятий в отчаянии обратились за помощью к мафии.

“Офисные работники, средний класс, владельцы фруктовых, цветочных киосков – все становятся их жертвами... Такого не было никогда”, – комментирует ситуацию Лиино Буса, руководитель Confesercenti. По словам Нино Мисели, консультанта Confesercenti, мафия стремится взять контроль над проблемными компаниями. В случае просрочек в уплате займов, проценты по которым достигают трехзначных цифр, заемщикам поступают угрозы. Таким образом, рестораны, магазины и бары переходят во владение преступных групп.

Мафиозные группировки ежедневно получают от ритейлеров около 250 млн евро (315 млн долларов). По данным института Eurispes, кризис позволил итальянским мафиозным структурам увеличить свой доход на 40% – с 90 млрд евро в 2007 г. до 140 млрд в 2008 г.

Со своей стороны государство пытается не допустить чрезмерного усиления преступных группировок. В конце прошлого года в Италии была проведена целая серия антимафиозных операций. Под стражу взято более 100 человек.

Китайская газета “Чайна дейли” 22 декабря 2008 г. сообщила, что Китай для сохранения социальной стабильности в условиях мирового финансового кризиса намерен интенсифицировать работу подразделений по борьбе с организованной преступностью.

“На фоне драматических социальных и экономических изменений, которые переживает страна, в ближайшем будущем преступные группировки сохранят свою активность”, – цитирует газета слова главы китайского следственного отдела по борьбе с организованной преступностью. В этой связи, сообщил он, помимо уже имеющегося следственного отдела, “будет создано специальное подразделение для решения этой проблемы”.

Спецподразделения по борьбе с оргпреступностью создают полиция различных штатов США. Так, в ответ на разгул гангстерских войн в период кризиса в Чикаго (в 2008 г. здесь в результате “разборок” между бандами только из огнестрельного оружия убито около 500 человек) в чикагской полиции создан специальный отряд “Мобильные ударные силы”, укомплектованный пятьюстами офицерами секретной полицейской службы.

А что происходит у нас в России? Словосочетание “организованная преступность” вообще не попало в Национальный план противодействия коррупции. И это не было случайностью. 6 сентября 2008 г. в соответствии с Указом Президента России № 1316 подразделения по борьбе с организованной преступностью в МВД России ликвидированы.

Если образование специализированных подразделений по борьбе с организованной преступностью в МВД СССР в ноябре 1988 г. всегда считалось революцией в системе органов внутренних дел, то их ликвидацию через 20 лет в сентябре 2008 г. с полным правом можно назвать контрреволюцией.

Почему создание спецподразделений по борьбе с оргпреступностью являлось революционным шагом? Во-первых, это было признание того, что организованная преступность – не миф, а реальность, которой надо професси-

онально противостоять. Во-вторых, это было вынужденным организационным решением. Дело в том, что традиционно аппараты уголовного розыска в основном работали «от преступления», то есть после регистрации криминального события. Страны в борьбе с экономической преступностью действовали в основном по линейно-отраслевому принципу, то есть обслуживали конкретные отрасли народного хозяйства и предприятия. Организованная же преступность тем и отличается от общеуголовной и экономической, что действует сразу во всех сферах. Это универсальное явление, в которое элементами входят и насильственные преступления, и мошенничество, и вымогательство, и бандитизм, а также незаконный оборот наркотиков и оружия, контрафакт, контрабанда, отмыwanie грязных денег, коррупция и т. д., и т. п. Клубок взаимосвязанных преступлений, совершаемых членами преступных групп, банд, организаций и сообществ. И противодействовать организованной преступности можно только комплексно, не разделяя ее на общеуголовную и экономическую. А главное, успех в борьбе с оргпреступностью достигается только тогда, когда работа идет не от конкретного преступления или конкретного экономического объекта, а от конкретной преступной организации.

С самого начала образования спецподразделений они подвергались нападкам со всех сторон. Многим они были, мягко говоря, неудобны, так как с самого начала валом пошла информация о сращивании с преступными формированиями чиновников всех уровней и сфер, в том числе и в самом МВД.

Первым попытался ликвидировать эти подразделения и передать их функции в уголовный розыск и БХСС Борис Пуго, в конце 80-х руководивший МВД СССР. Но ему тогда не дал это сделать первый секретарь МК КПСС Юрий Прокофьев. После его похода по этому вопросу к Михаилу Горбачеву в противовес проекту приказа, подготовленного Пуго, родился Указ Президента СССР об укреплении этих подразделений и создании Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД ССР.

После развала СССР и создания МВД России министр Виктор Ерин сначала создал оперативно-розыскные бюро по борьбе с организованной преступностью, а затем при поддержке секретаря Совета безопасности Юрия Скокова преобразовал его в Главное управление по борьбе с организованной преступностью. На местах были созданы региональные управления по борьбе с организованной преступностью (РУОПы), которые не подчинялись местным руководителям МВД, УВД, а замыкались непосредственно на МВД России. Тем самым в условиях сепаратистских тенденций была выстроена силовая вертикаль, которая сыграла большую роль в сдерживании центробежных тенденций.

Эта силовая вертикаль сохранялась и укреплялась министрами Анатолием Куликовым, Сергеем Степашиным и Владимиром Рушайло.

РУОПы и их специальные отряды быстрого реагирования (СОБРы) участвовали в двух чеченских компаниях и приобрели там дополнительный опыт.

26 сотрудников подразделений по борьбе с организованной преступностью за эти годы стали Героями России (20 из них посмертно).

Борис Грызлов, будучи министром внутренних дел, ликвидировал РУОПы, но укрепил и создал во всех МВД, УВД субъектов Федерации управления по борьбе с организованной преступностью.

Нынешний министр МВД Рашид Нургалиев всегда был сторонником укрепления этих подразделений. По его инициативе в *МВД разработана и реализовывалась Концепция борьбы с организованной преступностью, где указанным структурам отведена главная роль.*

Но 6 сентября 2008 г. подразделения по борьбе с организованной преступностью были ликвидированы и преобразуются в подразделения по противодействию экстремизму и подразделения по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите. Одновременно функции по борьбе с организованной преступностью возложены на подразделения уголовного розыска и подразделения по борьбе с экономическими преступлениями (БЭП).

Такое решение ломает всю стратегию, организацию и тактику борьбы с организованной преступностью. Преступные организации и сообщества остаются фактически бесконтрольными. Ведь уголовному розыску и службе БЭП физически невозможно будет определить зоны ответственности, учитывая универсальный характер деятельности преступных сообществ и организаций.

В 2008 г. руководители МВД России заявляли, что они контролируют деятельность более 400 крупных преступных организаций. Именно силами подразделений по борьбе с организованной преступностью был осуществлен разгром самой мощной преступной организации страны – “Общак”, арестован за организацию рейдерских захватов лидер тамбовского преступного сообщества Кумарин–Барсуков (“ночной губернатор” Санкт-Петербурга).

Кто же сейчас будет заниматься ликвидацией преступных сообществ?

Кто будет заниматься борьбой с рейдерством, где общеуголовная преступность вообще неотделима от экономической?

Кто будет контролировать воров в законе и преступных авторитетов, которые продолжают укреплять свои позиции во многих регионах страны?

Кстати, в последние годы в Россию вернулись “короли” преступного мира, такие как Вячеслав Иваньков (уже, как известно, убит), Марат Балагула и др.

В связи с кризисом уже начался передел сфер влияния между лидерами криминального мира. Такой передел идет и в связи с реализацией крупных экономических проектов, в которые всегда стараются влезть мафиозные структуры. В феврале 2009 г. в Москве, например, был расстрелян из автомата “вор в законе” Алик Миналян (“Сочинский”), который был “смотрящим” за исправительными учреждениями Краснодарского края. Оперативники связывают это с криминальными “разборками” вокруг участия в олимпийском проекте, который реализуется на территории края.

Особенно странным решение о ликвидации подразделений по борьбе с организованной преступностью выглядит на фоне антимافیозного натиска на Россию со стороны Запада после “пятидневной войны” с Грузией. В ряде крупных западных СМИ звучали прямые призывы бороться с Россией путем обвинения ее в покровительстве преступным структурам. Для этого предлагаются массовые аресты счетов российских граждан, конфискация имущества. Инструментом давления на Россию таким способом, по всей видимости, будет являться Стратегия правоохранительной деятельности по борьбе с международной организованной преступностью, принятая в США в апреле 2008 г. Преступные формирования из России в ней обозначены как враг № 1.

Кто со всем этим будет разбираться в России?

Угрозыск или БЭП? Но у них совсем другие задачи.

Следует отметить, что объем работы оперативных подразделений по преступным сообществам (организациям), бандам и незаконным вооруженным формированиям в сравнении с объемом работы по экстремистским организациям и сообществам отличается в разы.

Согласно данным ГИАЦ МВД России, в 2009 г. зарегистрировано 548 преступлений экстремистской направленности. А число только расследованных преступлений, совершенных участниками организованных групп или преступных сообществ (организаций), в том же году составляло 31397!

В интервью “Независимой газете” (10 февраля 2009 г.) министр внутренних дел Рашид Нургалиев говорил о том, что реформирование департамента по борьбе с организованной преступностью и терроризмом было вызвано необходимостью исключения “дублирования функций”. Но в том же интервью говорится об успехах МВД по борьбе с наркомафией и наркотрафиком. Но разве здесь МВД не дублирует Федеральную службу по контролю за оборотом наркотиков? Никто же не говорит об устранении этой функции из объема задач органов внутренних дел. Так же как никто не лишит МВД функции борьбы с терроризмом, несмотря на то, что согласно Федеральному закону “О противодействии терроризму” основная ответственность за исполнение этой функции лежит на Федеральной службе безопасности.

Тем более что после взрывов в московском метро 29 марта 2010 года стало ясно, что вся антитеррористическая сеть оказалась в серьезных прорехах. Значит, не в “дублировании функций” причина ликвидации подразделений по борьбе с организованной преступностью и терроризмом.

Трудно понять, кому нужно было уничтожить службу по борьбе с организованной преступностью и терроризмом в МВД в условиях кризиса, и зачем все это затеяно. Если руководство страны располагало информацией, что подразделения по борьбе с оргпреступностью сами стали криминализованы, то логичнее было заменить их руководство. Если предполагается создать некую структуру вне МВД, то сначала создайте, а не ломайте, что работает.

У. Кризис и преступность

У экономических кризисов есть свои криминальные индикаторы. Генеральный секретарь Интерпола Рональд Ноубл в интервью ИТАР-ТАСС на Всемирном экономическом форуме в январе 2009 г. в Давосе заявил, что глобальный кризис вызвал рост криминальной активности в мире. Серьезно увеличились такие преступления, как мошенничество, подлоги, производство контрафактной продукции, уклонение от налогов.

Кражи – это преступления, которые напрямую зависят от кризиса. По данным американской полиции, опубликованным в сентябре 2008 г. в издании “Contra Costa Times”, кредитный кризис резко увеличил количество квартирных краж в США. С увеличением количества домов, отобранных за долги, увеличилось и количество краж из покинутого жилья.

Кражи обычно обнаруживают риэлторы или банки, которые описывают имущество, а затем выставляют жилье на торги. Тогда-то и всплывают многочисленные потери от воров. Риэлторы не досчитываются кондиционеров, водопроводных кранов, батарей, вентиляторов, ковров и даже деревьев во дворе. Все это становится легкой добычей для воров.

В январе 2009 г. The Independent опубликовала данные правительственного доклада Великобритании о влиянии кризиса на рост имущественной преступности. Число грабежей и краж в этой стране за последние четыре месяца 2008 г. значительно возросло, а в некоторых графствах практически удвоилось. Количество краж и ограблений увеличилось в 31 из 43 полицейских округов.

Для России экономическая обусловленность краж особенно актуальна. Известный криминолог Юрий Бышевский, более 30 лет исследующий феномен российского воровства, установил весьма печальную тенденцию. Его опросы осужденных воров в тюрьмах и колониях показали, что все эти годы росла доля воров, которые деньги, полученные от совершения краж, тратили на содержание семьи (с 9% в 1973 году до 44% в 2005 г.). Одновременно уменьшилась доля воров, расходовавших краденые деньги на развлечения и друзей (с 27,5% в 1973 г. до 17% в 2005 г.) (см.: Ю. В. Бышевский. Характеристика осужденных, отбывающих наказание за кражи. – Омск, 2007).

Иными словами, негативные явления в экономике страны толкали все большее количество людей на совершение краж.

О том, что экономические кризисы напрямую влияют на распространенность краж, говорят и данные официальной статистики. Резкий рост квартирных краж в России произошел в период 1991–1993 гг. Связано это было, в первую очередь, с шоковыми реформами. Если в 1991 г. количество краж из квартир составляло 29,5 тыс., то в 1993 г. эта цифра достигла показателя в 45 тыс. С 1994 г. до 1997 г. отмечалось некоторое снижение квартирных краж. Однако в связи с дефолтом в 1998 г. число краж из квартир опять резко увеличилось.

С 2000 г. до осени 2008 г. вновь отмечалась тенденция к снижению числа этих преступлений, что в немалой степени было обусловлено развитием рынка услуг по обеспечению сохранности денежных средств населения (кредитные карты, вклады, банковские ячейки). Но, начиная с осени 2008 г., ситуация начала меняться в негативную сторону. Граждане стали забирать наличные деньги из банков, не доверяя им, а это сразу создало поле деятельности для воров всех видов, особенно профессиональных преступников-рецидивистов. Ведь доля этой категории среди квартирных воров самая большая – до 50%.

Когда преступники знают, что в квартирах накапливаются большие объемы наличных денег, их не останавливает ничто. Воры лезут с крыш в окна высотных зданий, используя альпинистское снаряжение. Взламывают самые изощренные металлические входные двери. Разыгрывают целые спектакли для проникновения в дома, где есть охрана. Но в большинстве случаев им и придумывать ничего не надо, учитывая бездарные архитектурные проекты наших домов, как будто специально созданных для домушников.

Помимо воровства следует ожидать всплеска всех видов корыстных преступлений. Впрочем, он уже начался. 2008 год завершился целой серией дерзких разбойных налетов на инкассаторов, отделения Сбербанка, дачи и квартиры граждан.

Хотя, если судить по официальной статистике, то преступность у нас снизилась. Удивительно – во всех странах в период кризиса она возросла, а в России – снизилась.

Уголовная статистика вновь стала полностью управляема. Она не отражает реального положения дел. То, что зафиксировано в отчетах, это и есть “мнимая латентность”, то есть “подгонка” показателей преступности для создания видимости благоприятного положения.

На состоявшейся в марте 2010 года коллегии Генпрокуратуры России по итогам работы за 2009 год Президент страны Дмитрий Медведев выступал два раза. Сначала на открытии. Потом после отчетов руководителей этого ведомства. В этом втором выступлении содержались необычные для такого рода мероприятий замечания.

Первое и, на наш взгляд, главное, звучало буквально так: *“Сначала по проблеме раскрываемости и регистрации преступлений: не знаю, насколько эта статистика является точной. Уголовная статистика, как и статистика в целом, довольно лукавая вещь. Что абсолютно очевидно и о чем говорил в своем выступлении Генеральный прокурор – надо навести порядок с первичной регистрацией. Как она осуществляется, мы сами знаем: сначала записали, потом подумали, потом выслушали пожелания вышестоящих начальников – и нет ничего.*

Не предлагаю сейчас конкретных мер по первичной регистрации, но эти меры должны включать в себя и процедурные элементы, и технологические решения. Только в этом случае мы будем с вами оперировать более или менее точными цифрами. Иначе у нас миллион преступлений – туда, миллион – сюда, непонятно, что вообще происходит”.

Заявление, огласитесь, весьма резкое. Если Президент говорит, что миллион преступлений можно скрыть, то это уже приговор всей правоохранительной системе. Ведь на “лукавых” цифрах фактически строится вся уголовная статистика, от них зависят оценки деятельности правоохранительных органов, намечаемые в этих органах реформы, необходимая численность людей, задействованных в борьбе с преступностью, выделяемые бюджетные средства, модернизация технической базы и информатизация правоохранительной системы.

Если в последние годы на итоговых коллегиях Генпрокуратуры и МВД постоянно заявляют, что “преступность неуклонно снижается”, “раскрываемость улучшается”, то зачем тогда выделять дополнительные ресурсы, можно обойтись и тем, что имеется, а еще и сократить “ненужную численность”.

А теперь попытаемся разобраться, что же реально у нас происходит с регистрацией преступлений. С 2006 года ежегодно, постоянно растет число заявлений, сообщений и иной информации о криминальных происшествиях (оцененных гражданами и организациями как криминальные). В 2006 году таких заявлений было 19 млн 305 тыс., а в 2009 году их стало уже 22 млн 789 тыс. Иными словами, “заявленная” преступность выросла на 3 млн 484 тыс.

А что с “зарегистрированной” преступностью, которая и попала в уголовную статистику и на которой строятся все оценки работы? Она в эти же годы постоянно ежегодно снижалась. С 3 млн 855 тыс. в 2006 году до 2 млн 995 тыс. в 2009 году. Сокращение за указанные годы – на 860,6 тыс. преступлений.

Куда же уходили заявления и сообщения о преступлениях? Самая значительная часть – в пресловутые решения об отказе в возбуждении уголовных дел. “Отказные” постоянно, ежегодно увеличивались на фоне “снижения” преступности. С 4 млн 596 тыс. в 2006 году до 5 млн 641 тыс. в 2009 году. Рост “отказных” за эти годы – на 1 млн 45 тыс. Причем судьба самих “отказных” весьма проблематична. В 2006 году прокурорами отменено 1 млн 423 тыс. “отказных”, в 2007 году – 1 млн 472 тыс., в 2008 – 1 млн 693 тыс., в 2009 – 1 млн 827 тыс.

Для манипуляций статистикой существуют совершенно экзотические основания. Например, в 2009 году почти 5 млн заявлений и сообщений “приобщены к материалам специального номенклатурного дела” (?!), 5 млн 323 тыс. “переданы по подсудности (подсудности) или по территориальности”. И эти показатели тоже превышают те, которые были в предыдущие годы.

Но зачем нам знать, что, куда приобщено и куда передано? Надо знать только три показателя: 1) возбуждено уголовных дел по заявлениям; 2) отка-

зано в возбуждении уголовных дел; 3) возбуждено дел об административном правонарушении (ведь карать можно и в уголовном, и в административном порядке).

Важно одно: граждане должны видеть, что существует реальное государственное реагирование на их заявления!

Теперь о “раскрываемости” и раскрытии преступлений. Понятия эти не идентичные. На коллегии МВД, которая предшествовала прокурорской, Рашид Нургалиев заявил, что “общая раскрываемость” преступлений повысилась на 2,1% и составила 55,8%. Причем “раскрываемость” улучшилась по всей группе тяжких и особо тяжких преступлений. Казалось бы, после такого заявления должна следовать раздача орденов и медалей.

Но с этим не следует спешить. Ведь **“раскрываемость” в последние годы растет за счет искусственного снижения преступности.** На деле это выглядит так: если меньше зарегистрировали преступлений, то для высокой “раскрываемости” можно и меньше раскрывать. Поэтому налицо, на первый взгляд, парадоксальная, а на самом деле закономерная ситуация: “раскрываемость” растет, а число раскрытых преступлений падает.

Рассмотрим это на примере убийств. Количество зарегистрированных убийств с 2004 года снизилось с 31,6 тыс. до 17,7 тыс. в 2009 году. “Раскрываемость”, естественно, выросла, а реальное число раскрытых убийств сократилось с 26,1 тыс. в 2004 году до 15,4 тыс. в 2009 году. Встает естественный вопрос – когда лучше работали оперативники и следователи?

Убийства – наименее латентный вид преступления. На первый взгляд, их нельзя скрыть. Оказывается, можно. В период, когда руководители правоохранительных органов ежегодно рапортуют о снижении числа убийств и повышении их “раскрываемости”, практически не снижается количество без вести пропавших граждан, судьба которых осталась неустановленной. Попробуем разобраться с вопросом исчезновения людей. За 2009 г. зарегистрировано 147,8 тыс. заявлений о безвестном исчезновении граждан (в 2008 году – 147,4 тыс.). Установлено было без заведения розыскных дел 79,8 тыс. человек (в 2008 году – 75,3 тыс.). В розыск в 2009 г. было объявлено 71,4 тыс. человек (ровно столько и в 2008 году).

Розыскная статистика идет с нарастающим валом: плюсятся исчезающие люди в предыдущие годы. Так вот, общее число людей, которые пропали без вести и которые так и не были найдены на конец 2009 г., составило 48,5 тыс. человек (в 2008 году – 48,9 тыс.). Те же цифры. Значит, никакого реального улучшения в розыске пропавших людей нет? И можно ли в этих условиях говорить о снижении убийств?

Правоохранительная система продолжает жить по принципу: “нет трупа, нет проблемы”. В 2008 г. вынесли приговор по группе убийц во главе с неким Чудиновым в Нижнем Тагиле (“Огонек” рассказывал об этом преступлении). В течение нескольких лет бандиты заманивали девушек и девочек (13–14 лет), насиловали их, заставляли заниматься проституцией. Тех, кто не соглашался, душили и сбрасывали в лесу в могильники. Когда собака случайно раскопала один из могильников, где было обнаружено 17 трупов, началось громкое дело. Оказалось, что в местной милиции не было зарегистрировано даже заявлений о пропаже детей! Не говоря уже о заведении розыскных и, тем более, уголовных дел. Убийцы сейчас наказаны. Но нигде не было сообщено, что наказаны те, кто укрывал эти убийства.

Теперь о неопознанных трупах. За 2009 г. на учет поставлено 30,7 тыс. дел об установлении личности неизвестных граждан по неопознанным трупам (в 2008 году – 34,2 тыс.). Из них установлена личность 25,3 тыс. трупов (в 2008 году – 27,7 тыс.). Личность 5,4 тыс. трупов так и не установлена (в 2008 году – 6,5 тыс.). В основном из-за так называемых “гнилостных изменений”. Но уголовные дела по этим фактам заведены только по каждому 12-му случаю!

Да и как можно быстро и качественно провести экспертизу, установить причину смерти, если на коллегии председатель Следственного комитета при прокуратуре Александр Бастрыкин заявил, что “особенно в плачевном состоянии пребывают судебно-медицинские учреждения. Их финансируют “по остаточному принципу”. Исследования трупов проводятся в помещениях, больше похожих на сараи, а заключения готовятся месяцами. Спрашивается, о каком тогда их качестве можно говорить?”

Это касается и экспертизы трупов самоубийц, которых в 2009 году было 37,2 тыс. человек, и отравленных алкоголем – 16,3 тыс. человек, и погибших в результате транспортных травм – около 30 тыс. человек.

Разве за многими этими смертями не могло быть криминала? И могут ли эти факты также оставаться “за скобками” обсуждения на коллегии?

Разве можно в такой ситуации говорить о снижении убийств?

Изменения преступности наступают не одновременно с кризисом, а вслед за ним. Поэтому можно выделить следующие фазы развития криминальной ситуации: предкризисную, кризисную, остро-кризисную и катастрофическую.

Как бы мы ни характеризовали сегодняшнее положение, уже сейчас ясно, что для остро-кризисной и катастрофической ситуации необходимо иметь уголовное и уголовно-процессуальное законодательство совершенно иного вида, чем для стабильной ситуации. В теории права это называется “отложенным законодательством”. Оно принимается, но вводится в особый период. У нас сейчас такого “отложенного законодательства” нет.

VI. Кризис и дестабилизация

Негативных прогнозов развития дестабилизации в мире в связи с глобальным кризисом в настоящее время выдвигается множество. Но существуют документы, где эти прогнозы абсорбируются и на выходе получаются довольно аргументированные выводы. К таким документам безусловно следует отнести 120-страничный доклад разведывательного сообщества США “Глобальные тенденции 2025 года: изменившийся мир”, приуроченный к моменту вступления в должность президента США Барака Обамы.

Авторы утверждают: следующие двадцать лет мир будет жить в условиях постоянной угрозы ядерной войны, экологической катастрофы и упадка Америки как доминирующей мировой державы. “Вероятность применения ядерного оружия усилится, поскольку расширится доступ к ядерным технологиям, а также появятся новые варианты и возможности нанесения ограниченных ударов”, – говорится в докладе. “Мир в ближайшем будущем столкнется со все возрастающей вероятностью возникновения конфликтов из-за ресурсов, в том числе из-за продовольствия и воды. Его будут упорно преследовать угрозы “стран-изгоев” и террористических группировок, которые все чаще станут получать доступ к ядерному оружию”.

Прогноз нарастания террористической напряженности звучал и из уст руководителей разведки США. Бывший директор национальной разведки США Майк Макконнелл, выступая 30 октября 2008 г. на пленарном заседании симпозиума Фонда геопрозрастной разведки США в Нэшвилле (штат Теннесси), отметил, что, по оценкам аналитиков его ведомства, терроризм не будет побежден до 2025 г. Отсутствие необходимых экономических и политических предпосылок для ликвидации этого зла на Ближнем Востоке и в других регионах мира не позволит покончить с боевиками в глобальном масштабе. Более того, согласно прогнозам спецслужб, будущие социальные реалии приведут только к росту радикализма и увеличат приток молодежи в террористические группировки.

К 2025 г. ячейки экстремистов, утверждал Макконнелл, скорее всего сохранят все свои организационные структуры, а также элементы системы управления и подготовки бойцов ислама, необходимые для проведения изоциренных атак на Америку и на других врагов мусульманского мира, в том виде, в котором его понимают лидеры “священной войны с неверными”.

В начале декабря 2008 г. Командование объединенных сил ВС США обнародовало доклад “Объединенная оперативная обстановка-2008: вызовы и последствия для объединенных сил будущего”.

В докладе особо подчеркнуто, что одной из наиболее серьезных для американской нации внешних угроз является “закрытие доступа” к общемировым ресурсам и инфраструктуре.

По мнению авторов доклада, в XXI веке американским войскам предстоит в перманентном состоянии вести боевые действия – либо в виде обычного вооруженного конфликта, либо же в виде серии контртеррористических или противоповстанческих операций.

Практически одновременно с опубликованием доклада подписана директива Пентагона, согласно которой финансирование и планирование операции иррегулярной (или асимметричной) войны отныне приравнивается по рангу к обычным военным операциям, то есть к боевым действиям против вооруженных сил какого-либо государства. К иррегулярным операциям директива относит борьбу с терроризмом, с повстанцами и партизанами, помощь в обеспечении внутренней безопасности иностранному государству, а также операции по поддержанию стабильности в различных регионах планеты.

В связи с такими прогнозами и документами следует ожидать изменения концепции “войны с терроризмом”. Как известно, этот термин был введен в оборот американцами около 10 лет назад после нападений на Нью-Йорк и Вашингтон. Он предполагал объединение международных усилий в войне с “осью зла”, состоящей из “государств-изгоев”, порождающих терроризм, а также уничтожение Аль-Каиды – террористической организации, объявленной главным злом на планете.

“Пятидневная война” в Грузии переформатировала все элементы “войны с терроризмом”. После нападения США на Ирак оси стало корезжить. Национальные интересы стали не совпадать. Подготовка к войне с Ираном развела оси в разные стороны. “Пятидневная война” в Грузии сломала оси об колено.

После нее Россию сразу записали в число “государств-изгоев”. Известный политолог Артур Херман в своей статье “Россия и новая “ось зла” в “The Wall Street Journal” от 29 августа 2008 г. оформил новую “ось зла”, включив в нее Россию, Иран и Венесуэлу.

Многие эксперты сходятся во мнении, что главный американский фронт “войны с терроризмом” перемещается в Пакистан. Эта страна – следующий кандидат в новую “ось зла”.

В упомянутом докладе национальной разведки США сказано, что к 2025 г. население России уменьшится на 10 млн и составит 130 млн. При этом доля мусульманского населения будет расти и к 2030 г. достигнет 19%. Для сравнения, в Западной Европе при сохранении нынешних темпов миграции число мусульман не превысит 7%. Подобная ситуация, констатируют авторы доклада, неминуемо приведет в будущем всплеску национализма среди православного славянского населения России.

Постоянно обсуждаемая на Западе угроза русского национализма и “русского фашизма” – скорее мечта “друзей” России, чем реальность российской жизни. Две чеченские войны показали, что даже взрывы, устроенные террористами в Москве, не вызывают реального всплеска русского национализма.

Об этом говорят и данные уголовной статистики за 2009 г. За прошедший год **иностранцами гражданами (большинство из которых граждане государств – участников СНГ) совершено на территории России почти 58 тыс. преступлений. Это на 7,5% больше, чем в 2008 г. А против самих иностранцев совершено около 15 тыс. преступлений, или на 1,9% меньше, чем в 2008 г.** Где же здесь наблюдается пресловутая преступная активность “русских националистов”? При этом никто не отрицает наличие опаснейших групп фашистской направленности. Но большинство этих групп питает международная сеть неонацистов, а не русские националисты.

Между тем, существуют и множатся реальные источники дестабилизации в России.

Клановая борьба. На фоне некоторого затухания сепаратистских тенденций клановая борьба на Северном Кавказе продолжает оставаться мощным фактором роста террористических проявлений. Это проявляется во всех северокавказских республиках, особенно в Ингушетии и Дагестане. Терроризм здесь сейчас – это, как правило, терроризм мафиозно-коррупционной направленности. Кремль научился эффективно разбираться с террористами, но не отработал механизмов преобразования криминально-синдикалистских образований в нормальные государственные структуры. Из-за этого в большинстве северокавказских республик социально-криминальная ситуация будет по-прежнему рекрутировать в ряды террористов пополнение из числа молодых людей.

Ваххабизм и джамааты (самоорганизующиеся общины ваххабитов), несмотря на жесткую борьбу с ними правоохранительных органов и спецслужб, останутся притягательной силой для значительной части молодежи, исповедующей ислам, недовольной сложившейся клановой расстановкой сил в регионах.

Аналитики, отслеживающие ситуацию на Северном Кавказе, отмечают: для вовлечения молодых людей из малоимущих семей в джамааты им выплачиваются хорошие по местным меркам деньги. Платят за все: женщинам – за ношение хиджаба, мужчинам – за изучение ислама, за регулярное посещение мечети, за обучение в лагерях диверсионному делу, оказывают помощь семьям боевиков в случаях ранения или гибели “кормильца”. В условиях кризиса такая “финансовая поддержка” – это мощный стимул для расширения террористического подполья.

Влияние международных террористических организаций и зарубежных спецслужб. После “пятидневной войны” спецслужбы России констатируют усиление внешнего воздействия с целью обострения террористической ситуации в России. Тем более в окружении нового президента США Барака Обамы много “друзей” России – известных специалистов по “цветным революциям”. Эмиссары “Аль-Каиды” (или псевдо-“Аль-Каиды”) и других международных террористических и экстремистских организаций (таких, например, как Хиизбут-Тахрир) будут с удвоенной силой использовать патовую ситуацию на Северном Кавказе, сложившуюся в результате клановых войн, недовольство населения мафиозно-коррупционными отношениями в республиках. Все это будет усиливаться углубляющимся финансово-экономическим кризисом.

Следует ожидать активизации усилий международных террористических структур по доставке в регионы Северного Кавказа оружия, аудио-видеопродукции экстремистского содержания, закачивания финансовых средств для формирования подпольных террористических ячеек. С ноября 2008 г. в северокавказских республиках вновь возобновились теракты смертников-шахидов.

Крупные акты террора. В России уже был свой Мумбаи – это нападение террористов на Нальчик. После августовской войны 2008 г. следует ожидать попытку совершения в России крупномасштабных актов террора, подобных “Норд-осту”, Беслану, Буденновску. Взрывы в московском метро, видимо, первые в этом ряду. Для дестабилизации положения в стране акты крупномасштабного терроризма могут быть направлены в первую очередь против объектов ядерной энергетики, нефтегазопроводов, химических производств, электростанций и других объектов, вывод из строя которых способен создать серьезные проблемы для Кремля.

На этом фоне под видом реформы МВД принимаются очень “странные” организационные решения. Уже после мартовских взрывов в МВД ликвидируется Департамент режимных объектов и закрытых городов. Органы внутренних дел передаются под управление МВД, УВД субъектов федерации. Что означает многократное повышение рисков техногенных катастроф и диверсионных актов на объектах Атоммаша, в местах, где хранится химическое и биологическое оружие.

Одновременно, опять же под видом реформы, в МВД ликвидируются Департамент транспортной милиции и 20 линейных управлений на транспорте. Вместо стройной системы, существующей десятилетия, создается 8 управлений транспортной милиции в федеральных округах. Но это – хаос! Как можно на просторах нашей страны от Калининграда до Владивостока обеспечивать безопасность транспортных артерий, не имея специальной централизованной структуры? Преступность на транспорте – это относительно самостоятельное явление в криминальном мире. Она связана с грузовыми и пассажирскими потоками, длящимися в пространстве хищениями и другими преступлениями. Плюс к этому особая террористическая опасность.

Террористическая экспансия из Пакистана и Афганистана. Если будет введено “международное кризисное управление” в Пакистане, то страна распадется, и там будет реализована концепция “управляемого хаоса”. Следует ожидать набегов групп различной террористической направленности на союзников России – среднеазиатские республики. Это будет реальным воплощением *нового курса по управлению миром*, заявленного советником Обамы Збигневом Бжезинским в конце ноября 2008 г. в Королевском институте международных отношений (Чатем-Хаус), где он выступил с лекцией “*Внешнеполитические вызовы новому президенту США*”.

Россия, по мысли Бжезинского, должна избавиться от своего исторического имперского багажа.

Что означает этот подход? Прежде всего, то, что следует ожидать политической атаки на все интеграционные структуры на постсоветском простран-

ве. Думается, что среди прочего будет поставлена задача оторвать Россию от углеводородов Средней Азии. Эта идея продвигалась Бжезинским еще 12 июня 2008 г. на слушаниях в Сенате США по энергетической безопасности. Именно там Бжезинский и новый вице-президент США Джо Байден (в тот период председатель Комитета международных отношений Сената США) прямо заявили о необходимости оторвать Россию от туркменского газа и других источников среднеазиатских углеводородов.

На совещании ведущих американских аналитиков в конце января 2009 г. в Heritage Foundation открыто ставился вопрос о необходимости положить конец газовой монополии России в Средней Азии.

Нет сомнения, что создание кризисных ситуаций по типу бомбейских как в России, так и в государствах – союзниках России также входит в число возможных вариантов давления. Ведь новый курс на управление миром, озвученный Бжезинским в указанной лекции, сводится к четырем словам: **Объединяй, Расширяй, Вовлекай и Умиротворяй** (Unify, Enlarge, Engage, Pacify).

Рядом с проявлениями терроризма в условиях кризиса всегда будут находиться бунты (массовые беспорядки). В этой ситуации властные структуры должны четко дифференцировать, где имеют место массовые беспорядки, а где акции протеста без применения насилия. К сожалению, то, что произошло в декабре 2008 г. во Владивостоке, говорит о несоразмерности и неадекватности применения силы со стороны российской власти.

По мере развития кризисных явлений ситуация на региональном уровне будет только накаляться. Причем, по экспертным оценкам, наиболее уязвимыми будут так называемые моногорода, где остановка градообразующих предприятий может сопровождаться стихийными акциями протеста разной интенсивности. Таких моногородов в России насчитывается до 460.

Силовое противодействие всем, даже мирным акциям протеста, может вызвать каскад бунтов по типу новочеркасских в 60-х годах. Тогда встанет вопрос о достаточности силового потенциала органов власти.

Аналогичный вопрос может встать и в США. Выступая в феврале 2009 г. на одном из каналов американского телевидения, Збигнев Бжезинский отметил, что нынешний финансовый кризис может вызвать в Соединенных Штатах массовые столкновения богатых и бедных. Он указал, что экономический кризис скоро приведет к появлению миллионов безработных американцев, в результате чего многие люди “столкнутся с серьезной материальной нуждой”.

Бжезинский считает, что катализатором социального взрыва станет неэффективная политика некоторых компаний, которые получают из бюджета огромные средства, но не стараются их экономить. “Общество видит, что огромные средства (из госбюджета) передаются небольшому числу отдельных лиц, а объем этих выплат не имеет исторических прецедентов в Америке”, – подчеркнул Бжезинский. По его мнению, в США могут повториться события 1907 года, когда масштабный банковский кризис привел к столкновениям между различными общественными классами.

Помимо чисто социальных конфликтов, в США не исключено разрастание расовых, этнических и конфессиональных конфликтов.

VII. Кризис и уголовное наказание

Глобальный кризис с криминологической точки зрения ставит и еще один вопрос: что делать государству при дефиците бюджета с тюрьмами и исправительными учреждениями? Это – не второстепенный вопрос. США, например, именно через страх тюремного наказания всегда решали проблему обеспечения внутренней безопасности. На начало 2009 г. в американских тюрьмах находится 2,3 миллиона человек – четвертая часть всех заключенных мира! Даже Китай по количеству лиц, находящихся в тюрьмах, находится только на 2-м месте: там “всего” 1,5 миллиона заключенных (при том, что население КНР в 4,3 раза больше, чем в США). Россия – на 3-м месте – менее 900 тыс. человек на начало 2010 г.

В январе 2009 г. Associated Press сообщило, что может быть проведена массовая амнистия сразу в нескольких штатах США из-за невозможности содержания заключенных в связи с кризисом бюджета страны. Этому решению

предшествовало опубликование доклада юридического центра Совета органов власти штатов (Council of State Government's Justice Center), в котором рекомендовано сократить численность тюремного населения путем массового досрочного освобождения заключенных из тюрем и снятия приговоров об условном заключении и условном освобождении.

Данная рекомендация основана на том, что на конец 2008 г. общий бюджет органов власти всех штатов на тюрьмы и исправительные заведения составил 50 млрд долларов. Кроме того, федеральные власти на свои тюрьмы выделяют еще 5 млрд долларов. Итого – *55 миллиардов!*

Почему в США так остро встал вопрос о необходимости выпускать на волю значительное число заключенных? Дело в том, что за последние десятилетия вся тюремная система Штатов была поставлена на КОММЕРЧЕСКУЮ ОСНОВУ. Исследователь американских тюрем *Вики Пелаэс* пишет о том, что бум приватизации и коммерциализации тюрем в США начался в 1980-х, при Рейгане и Буше-старшем, но расцвета достиг при Клинтоне. Клинтоновская программа по сокращению федеральных работников привела к тому, что департаменты юстиции стали заключать контракты на содержание под стражей заключенных с частными тюремными корпорациями. Тюрьмы стали зависеть от дохода. Корпоративные держатели акций, которые делают деньги на труде заключенных, лоббировали приговоры к более длительным срокам, чтобы обеспечить себя рабочей силой. Система кормила сама себя.

Тюремная индустрия – одна из наиболее быстро растущих отраслей, и инвесторы ее находятся на Уолл-стрит. У этой многомиллионной индустрии есть собственные торговые выставки, съезды, веб-сайты, интернет-каталоги. Она ведет прямые рекламные кампании, владеет проектировочными и строительными фирмами, инвестиционными фондами на Уолл-стрит, фирмами по эксплуатации зданий, по снабжению продовольствием.

Тюремная индустрия США производит 100% всех военных касок, форменных ремней и портупей, бронежилетов, идентификационных карт, рубашек, брюк, палаток, рюкзаков и фляжек. Помимо военного снаряжения и обмундирования, тюрьма производит 98% от рынка монтажных инструментов, 46% пуленепробиваемых жилетов, 36% бытовой техники, 30% наушников, микрофонов, мегафонов и 21% офисной мебели, а также авиационное и медицинское оборудование и многое другое – заключенные занимаются даже дрессировкой собак-поводырей для слепых.

37 штатов легализовали использование труда заключенных частными корпорациями, которые организуют производство внутри тюрем. В список этих корпораций входят самые сливки американского корпоративного сообщества: IBM, Boeing, Motorola, Microsoft, AT&T, Wireless, Texas Instrument, Dell, Compaq, Honeywell, Hewlett-Packard, Nortel, Lucent Technologies, 3Com, Intel, Northern Telecom, TWA, Nordstrom[u]s, Revlon, Macy[u]s, Pierre Cardin, Target Stores и многие другие. Все эти компании с восторгом отнеслись к радужным экономическим перспективам, которые сулил тюремный труд. Заключенные, как правило, получают минимальную заработную плату, установленную в том или ином штате, но отнюдь не всегда. В частных тюрьмах они получают всего 17 центов за час, рабочий день составляет максимум 6 часов, то есть 20 долларов в месяц.

Благодаря тюремному труду Соединенные Штаты вновь оказались привлекательным местом для инвестиций в труд, что раньше было уделом стран Третьего мира. В Мексике расположенное вблизи границы сборочное производство закрылось и перевело свои операции в тюрьму “Сент-Квентин” (Калифорния). В Техасе с завода уволили 150 рабочих и заключили контракт с частной тюрьмой “Локхарт”, где собирали электросхемы для таких компаний, как IBM и Compaq.

Кризис всю эту тюремную индустрию обрушил. Тюрьмы стали нерентабельны. Стоит вопрос об их массовом закрытии и амнистии заключенных. Одновременно в США уже начался всплеск “кризисной” преступности. Должна меняться вся концепция “прибыльной тюрьмы”. Иначе Соединенным Штатам не избежать своего “холодного лета” (как это было в СССР во время “бериевской” амнистии после смерти Сталина).

Если действительно в США произойдет массовая амнистия заключенных, то криминальная ситуация в этой стране возникнет любопытная. Дело в том,

что кроме тех миллионов, которые сидят в американских тюрьмах, на воле, по последним данным ФБР (доклад “Оценка угрозы, исходящей от банд”, январь 2009 г.), в целом на территории США действует около 20 тыс. банд, которые насчитывают в своих рядах 1 млн членов (См.: Бандитская страна. Washington Profile, 2 февраля 2009).

Большинство подобных структур оперируют на локальном уровне – это уличные преступные группировки, которые совершают большое количество мелких преступлений и крайне активно вовлечены в торговлю наркотиками, фактически контролируя сбыт на низшем уровне.

Банды постоянно увеличивают свое влияние, они осваивают новые территории, вербуют новых членов и увеличивают обороты криминального бизнеса (например, за счет увеличения объемов продаваемых наркотиков). В некоторых районах США банды совершают до 80% всех преступлений. Обычно они специализируются на доставке нелегалов, оружия и наркотиков, грабежах, автоугонах, кражах, убийствах и пр.

Выход из тюрем большого количества заключенных, с одной стороны, увеличит криминальный потенциал этих банд, а с другой – усилит уровень конфликтности между ними.

Ждет ли новое “холодное лето” Россию? Исходя из того, как развиваются события, по всей видимости – ждет. В период кризиса вновь стало модным обсуждение проблемы “гуманизации наказания”. Госдумой был подготовлен проект крупномасштабной амнистии к 65-летию Победы – на 333,2 тыс. чел. (но, слава Богу, депутаты одумались и ограничились амнистией одних ветеранов – менее 200 чел.). Под видом реформы исполнения наказания предлагается шире использовать условно-досрочное освобождение, перевести часть преступлений небольшой тяжести в административные правонарушения, а тяжких – в преступления средней тяжести, шире использовать такие виды наказания, как условное осуждение, краткосрочные аресты, домашние аресты и штрафы вместо лишения свободы. По всем этим вопросам готовятся законопроекты.

Давайте попытаемся разобраться, что мы получим в итоге от реализации таких предложений.

Начнем с последних: *более широкое применение условного осуждения, штрафов и арестов как видов уголовного наказания, а также домашнего ареста*. С кого мы собираемся брать штрафы: с будущих безработных, воров и грабителей? Где реализовывать краткосрочные аресты? Нужны арестные дома. Нужна их охрана, другой персонал. Но на какие средства предполагается все это делать?

Что означает домашний арест? Ведь большинство осужденных в быту пьянствовали, хулиганили, потребляли наркотики, избивали соседей. И что, предлагается их вернуть в ту же среду, которая помогла им стать преступниками, и назвать это мерой наказания? Чтобы они, не испытав на себе реального наказания, вновь продолжали отравлять жизнь окружающим?

Если говорить о “гуманизации” наказания, то “гуманизировались” мы в последние годы и так “по полной программе”. У нас основной мерой наказания стало в последние годы *условное осуждение к лишению свободы*. В 2007 г. – 44,7% осужденных. Собственно *лишение свободы* применялось в 2007 г. только к 33% всех осужденных. Остальные преступники были вообще осуждены либо к *штрафам*, либо к *исправительным работам*.

В России две трети осужденных приговорены к лишению свободы за тяжкие насильственные и корыстно-насильственные преступления, а в США – наоборот, две трети заключенных совершили ненасильственные преступления.

Далее. О так называемой “*декриминализации*” наказания – *переводе преступлений небольшой тяжести в разряд административных правонарушений, а тяжких – в преступления средней тяжести*. В декабре 2003 г. уже декриминализировали всё, что можно. После этого нельзя привлечь к уголовной ответственности большинство хулиганов, если они издевались над людьми без оружия. Нельзя привлечь и лиц, которые незаконно носят холодное, охотничье или травматическое оружие. Что еще предлагается декриминализировать? И по каким преступлениям предлагается понизить их тяжесть?

Автор летом 2009 г. ознакомился на слушаниях в Общественной палате с одним из законопроектов по декриминализации УК, подготовленных в Минюсте. В нем предлагалось декриминализировать и перевести в администра-

тивное правонарушение сбыт наркотиков, совершенный впервые. И это при том, что Россия в результате “антитеррористической войны” НАТО в Афганистане стала **главным потребителем афганского героина в мире!** В том же проекте предлагалось декриминализировать незаконную порубку леса. В условиях, когда наша доморощенная мафия вместе с китайскими триадами методично уничтожают лесные богатства вдоль всей границы с Китаем!

О массовой амнистии и расширении практики условно-досрочного освобождения. Действительно, тюрьмы и колонии — это не лучшие места для “перевоспитания” преступников. Но кто в них сейчас сидит?

Нам пытаются навязать мысль, что большинство лиц, находящихся в местах лишения свободы, — это невинные агнцы. Но вот какие данные приводятся в докладах 2009 г. самой Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) (их можно найти в интернете):

*“Криминогенный состав осужденных продолжает ухудшаться. Растет количество лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления. Несколько лет назад их численность составляла 30–35%. Сегодня она достигла **70 процентов (!)**. Каждый четвертый отбывает наказание за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, каждый пятый — за разбой или грабеж. 46% осужденных отбывают наказание второй раз и более. Намечилась тенденция к омоложению состава осужденных. Около одной трети лиц, отбывающих наказание, не старше 25 лет.*

Увеличивается количество лиц с повышенной агрессивностью и возбудимостью, с психическими отклонениями. Сегодня в местах лишения свободы содержится более 600 тысяч человек, склонных к различным формам деструктивного поведения — агрессии, конфликтам, членовредительству, суициду, в том числе: 74 тыс. человек с признаками психических отклонений, низким уровнем интеллекта; 127 тыс. человек с повышенной агрессивностью и импульсивностью; 96 тыс. человек с низким социально-психологическим статусом; 102 тыс. человек с повышенной внушаемостью и слабыми волевыми качествами; 88 тыс. человек, склонных к суициду и членовредительству; 210 тыс. человек, склонных к другим формам деструктивного поведения; 51 тыс. человек с лидерскими качествами и отрицательной направленностью”.

Остановимся на последней категории. Свыше 51 тыс. осужденных — это лидеры преступной среды (“воры в законе”, “смотрящие”, криминальные авторитеты, главари банд и ОПГ). Возраст двух третей таких лидеров составляет 30–50 лет, то есть это в основном зрелые люди, имеющие устойчивые жизненные установки, достаточный опыт противоправной деятельности. Национальный состав лидеров разнообразен. Например, 33% “воров в законе”, находящихся в местах лишения свободы, составляют грузины, 32% — русские, 8% — армяне, 5% — азербайджанцы; остальные являются представителями других национальностей.

Лидеры криминальной среды пытаются осуществлять в местах лишения свободы властные, идеологические, экономические, координационные и контрразведывательные функции. Нередко они организуют беспорядки, сбор средств в “общаки”, дискредитируют соперников, проводят “коронацию” союзников, дезорганизуют работу общественных формирований осужденных, осуществляют подкуп представителей администрации, выявляют агентов и через них дезинформируют администрацию, предпринимают усилия по вербовке лиц из числа персонала учреждения, в том числе и за счет своих связей на свободе. Для манипулирования волей осужденных они используют различные возможности, способы и средства: угрозы, насилие, вовлечение в азартные игры и т. д.

Теперь представим, что произойдет в обществе, если будет реализована так называемая “массовая амнистия” и расширена практика условно-досрочного освобождения. Возникнут “встречные потоки”. С одной стороны, масса амнистированных и условно-досрочно освобожденных преступников, которые никогда не работали и ничего кроме совершения преступлений делать не умели, попадет в обстановку растущей безработицы и безденежья. А с другой, масса тех, кто совершил преступления из-за безработицы и безденежья, попадет в места лишения свободы — под контроль оставшихся там сидеть лидеров преступной среды. Получается “заколдованный круг”. Амнистированных и условно-досрочно освобожденных преступников вновь ловят и сажают в те же тюрьмы и колонии. Находящихся там “новобранцев” (уже обученных “во-

ровским законам”), в свою очередь, тоже амнистируют, чтобы потом вновь вылавливать и направлять обратно в места лишения свободы. В конце концов, такие “встречные потоки” могут всю уголовную политику “схлопнуть”, грузив страну в криминальный беспредел.

В складывающейся кризисной ситуации надо говорить не о “гуманизации наказания”, а об “экономии репрессий”. Это не замена слов. Это – разнопорядковые явления.

При “экономии репрессий” речь должна идти не об амнистии и условно-досрочном освобождении по формальным признакам. Допустим, при амнистии и условно-досрочном освобождении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, на свободу выходят все педофилы (только осенью 2009 г. была ужесточена уголовная ответственность для этих нелюдей. До этого им больше 3–4 лет лишения свободы не давали), большинство воров и хулиганов, значительная часть грабителей и вымогателей. Но лица, которые совершили тяжкие преступления в сфере экономики, продолжают оставаться в местах лишения свободы.

Не разумнее ли было бы в условиях кризиса *восстановить конфискацию имущества как вид наказания*, и именно с ее помощью наказывать экономических преступников, не сажая их в тюрьму?

Это, конечно, для теоретиков уголовного права весьма спорный вопрос. Но мы живем в кризисе. А кризис диктует свои правила игры.

Нельзя не согласиться с руководителем Следственного комитета при прокуратуре РФ Александром Бастрыкиным, который на коллегии своего ведомства 12 февраля 2009 г. предложил в корне изменить существующую систему условно-досрочного освобождения лиц, которые совершили тяжкие и особо тяжкие преступления. Действительно, можно ли выпускать досрочно террористов, маньяков-насильников, главарей банд, преступных организаций и сообществ? Глава Следственного комитета привел данные: в 2008 г. в России условно-досрочно освобожден фактически каждый второй осужденный из категории особо опасных преступников. Только за шесть месяцев 2008 г. снова получили приговор почти 28 тыс. подобных лиц, которых суд выпустил из колоний раньше назначенного срока. На воле они опять стали убивать, насиловать и грабить.

Говоря об “экономии репрессий”, нельзя не коснуться и вопроса о государственном надзоре (контроле) за лицами, отбывшими наказание (попавшими под амнистию). В советское время действовал институт *административного надзора за отбывшими наказание*. Теперь “воры в законе”, главаря банд, насильники, педофилы, маньяки-убийцы, террористы (не говоря уже об “обычных” ворах, грабителях, мошенниках) выходят на свободу, и ими НИКТО НЕ ЗАНИМАЕТСЯ. Их никто не регистрирует, им не устанавливается никаких ограничений в передвижении и устройстве на работу.

Пора понять, что *общественная опасность конкретных лиц не исчезает после формального отбытия наказания*. “Экономия репрессий” и заключается в том, чтобы эта *потенциальная опасность вновь не превращалась в реальную*.

О том, что система исполнения наказания в стране тяжело больна и нуждается в радикальном лечении, знает вся страна. И это не пустые и громкие слова. С начала нового XXI века через эту систему прошло более 10 миллионов человек. У каждого из них есть родственники, друзья, знакомые. Вот и получается, что система исполнения наказания стала частью жизни каждого жителя России.

Болезнь системы имеет много симптомов. Но самое страшное – это то, что полная закрытость системы в последние годы породила там такую страшную раковую опухоль, как пытки и издевательства над осужденными в колониях и тюрьмах и арестованными в СИЗО.

Бывшие руководители ФСИН всегда отрицали наличие этой тяжелой болезни. Но 2009 год стал взрывным в этом отношении. Следственными органами в пытках и убийствах обвинены крупные региональные руководители системы. Обвинения предъявлены начальнику челябинского ГУФСИН генерал-майору Жидкову, а также начальнику управления по безопасности этого ГУФСИН майору Афанасьеву и начальнику оперативного управления майору Шилину.

Эти руководители для того, чтобы скрыть убийство нескольких осужденных в результате пыток со стороны сотрудников исправительной колонии № 1

гор. Копейска Челябинской области, по заключению следствия “инсценировали нападение погибших осужденных на должностных лиц исправительного заведения”, а также “подготовили пакет подложных документов о произошедшем”.

Настоящий пыточный конвейер, устроенный руководством ГУФСИН по гор. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, вскрыт питерским Следственным комитетом при прокуратуре и ФСБ. В сентябре 2009 года уже осуждены к 4 годам лишения свободы и лишены специальных воинских званий первый заместитель этого ГУФСИН Бычков, начальник оперативного управления Типпель и начальник управления СИЗО Довгополый.

У Быčkova в сейфе была изъята целая кипа видеодисков с пытками, которые творил он и его подчиненные. Пытали не для того, чтобы раскрыть преступление или предотвратить побег. Пытали, чтобы посредством этих видео “выбить деньги” из родственников осужденных, перевести на своих людей собственность истязаемых. В 2010 г. осуждено еще 10 сотрудников питерского ГУФСИН, в том числе и руководителей.

Начальник этого ГУФСИН Маленчук – один из тех региональных руководителей системы, которых Президент снял с должности своим Указом в конце прошлого года.

Новое руководство ФСИН проводит глобальную “чистку”. И одновременно организует реформу системы. Тоже глобальную.

Что касается “чистки”, ее поддерживает любой здравомыслящий человек. Но, что касается реформы, то здесь возникают весьма тревожные вопросы.

Посмотрим, что из себя представляет сегодняшняя система исполнения наказания и что с ней собираются сделать.

На конец 2009 года в учреждениях ФСИН содержались 875,8 тыс. человек, в том числе в 755 исправительных колониях отбывали наказание 731,4 тыс. человек; в 225 следственных изоляторах и 164 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях, содержались 135,2 тыс. человек; в 7 тюрьмах отбывали наказание 2,9 тыс. человек; в 62 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 6,3 тыс. человек. В учреждениях содержатся 70,4 тыс. женщин, при женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживают 844 детей.

В состав ФСИН также входят 2450 уголовно-исполнительных инспекций, в которых состоят на учете 549,9 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы; 205 федеральных государственных унитарных предприятий, 499 центров трудовой адаптации осужденных, 38 лечебных центров, 40 учебно-производственных мастерских.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 315 вечерних общеобразовательных школ и 521 учебно-консультационный пункт, 338 профессионально-технических училищ.

Штатная численность уголовно-исполнительной системы, содержащейся за счет средств федерального бюджета, составляет 328,2 тыс.

В чем состоит суть концепции реформирования уголовно-исполнительной системы?

Авторы концепции считают, что реформирование пройдет в три этапа вплоть до 2020 года. Первый этап уже начался. Он длится до 2012 года. В течение этого времени предусматривается разработка и принятие целевых программ, изменение законодательства. Также предусматривается более широкое внедрение в судебную практику альтернативных наказаний, создание государственной службы пробации (социальной помощи. – Авт.), тюрем особого режима, создание системы административного надзора МВД.

В период с 2013 по 2016 годы предполагается перепрофилировать большую часть учреждений в тюрьмы общего и усиленного режимов, создать новые колонии поселения, сеть социальных центров постпенитенциарной адаптации, расширить функции службы пробации.

Заключительный этап – 2017–2020 годы – это завершение реформы и планирование развития уголовно-исполнительной системы в будущем.

Согласно планам реформирования, осужденные несовершеннолетние будут отбывать наказание в *воспитательных домах*. Наряду с этим предлагается сохранить для выполнения специальных медицинских задач лечебно-исправительные и лечебно-медицинские учреждения. Осужденные к лишению свободы за преступления по неосторожности, а также осужденные впервые за та-

кие преступления будут отбывать наказание в колониях-поселениях двух видов: колонии с усиленным наблюдением и обычные колонии-поселения. Основным критерием для направления туда осужденных будет оценка тяжести совершенных ими преступлений и наличие рецидива. Кроме этого, предполагается законодательно закрепить возможность перемещения в колонии-поселения лиц, отбывающих наказания в тюрьмах, при наличии комплекса положительных характеристик, поощрений и заключения, что человек встал на путь исправления. Одновременно предполагается возможность перемещения из колонии-поселения в тюрьму тех осужденных, которые, наоборот, ведут себя отрицательно либо совершают новые преступления или административные правонарушения.

Колонии-поселения с усиленным наблюдением планируется организовывать в виде стационарных учреждений с развитым производством и инфраструктурой. Колонии-поселения обычного типа предусматривают временное размещение и работу на строящихся или развивающихся государственных объектах. Руководители ФСИН говорят, что во многом эти колонии-поселения будут напоминать существовавшие в прошлом спецкомендатуры для отбывания таких уголовно-правовых мер, как условное осуждение с обязательным привлечением к труду и условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным направлением на стройки народного хозяйства.

Также планируется создание тюрем трех видов. *Общего режима* – для содержания лиц, впервые осужденных к лишению свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления, для осужденных за преступления небольшой и средней тяжести. *Усиленного режима* – для содержания лиц, ранее не менее двух раз отбывающих наказания в виде лишения свободы и вновь осужденных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. *Особого режима* – для содержания лиц, осужденных к лишению свободы за неоднократное совершение особо тяжких преступлений, в том числе осужденных к пожизненному лишению свободы, а также для лиц, признанных активными членами и лидерами преступных сообществ, особо опасными рецидивистами, “воров в законе”, осужденных за тяжкие преступления террористической и экстремистской направленности.

Теперь давайте попробуем разобраться в сути реформы.

Ее разработчики постоянно подчеркивают, что она проводится в двух главных целях. *Первая* – отход от системы ГУЛАГа, которая, по их мнению, состоит в перевоспитании через труд. *Вторая* – переход к европейским стандартам содержания осужденных в тюрьмах.

По поводу ГУЛАГа. Сама постановка вопроса – странная. ГУЛАГа нет уже 50 лет. В 1961 г. было изменено все законодательство, которое регламентирует исполнение наказаний. Последние 19 лет мы живем как бы при демократии. Нашу систему исполнения наказания с 1996 года постоянно инспектируют ревизоры из Совета Европы. При чем здесь ГУЛАГ?

О труде. А чем осужденным заниматься, кроме как принудительным трудом? Об использовании труда как позитивном факторе перевоспитания осужденных писали многие отечественные и зарубежные ученые.

В Обзоре наилучших видов практики обращения с заключенными, представленном ООН на 12-м Конгрессе по предупреждению преступности в Бразилии (апрель 2010 г.), труд назван главным фактором отбытия наказания и перевоспитания осужденных **любой категории**.

А потом, разработчики реформы сами себе противоречат. Они прямо говорят, что стремятся создать колонии-поселения по типу спецкомендатур, которые были созданы при Щелокове. Но ведь спецкомендатуры – это тоже принудительный труд на стройках народного хозяйства времен “развитого социализма”. Где логика реформаторов?

Теперь о европейских стандартах. Есть швейцарские тюрьмы, похожие на дома отдыха, а есть французские. Например, такая как La Sante в Париже. Камеры переполнены. Душ можно принимать не более 2-х раз в неделю. Количество крыс таково, что, как пишут французские журналисты, осужденные подвешивают свои вещи к потолку, чтобы крысы не съели их ночью.

Реформаторы предполагают, что в тюрьмы будет переведено не менее 400 тысяч осужденных. По нашим расчетам – 500–600 тыс. Напомним, что сейчас в 7 имеющихся тюрьмах отбывает наказание менее 3-х тысяч человек. Значит, сколько таких тюрем надо построить и перепрофилировать до 2016 го-

да? Не менее 500–600? (Ведь по международным правилам в тюрьме не должно находиться более одной тысячи человек.) Реально ли это в условиях финансово-экономического кризиса, который неизвестно когда закончится и какие будет иметь последствия? Или в стране некуда девать деньги? А жилье для военнослужащих? А социальное жилье? Дороги? Инфраструктура ЖКХ? И, самое главное – десятилетие намечаемой модернизации у нас будет идти под знаком тюрьмостроения? А вместо технополисов мы будем строить “тюрьмополисы”?

Откуда появятся деньги на тюрьмы, если в докладе ФСИН об основных направлениях деятельности в 2009–2011 годах отмечается, что из действующих в настоящее время технических комплексов охраны и надзора 65% разработаны и установлены на объектах в 1980–1985 годах, 30% технических средств охраны и надзора выработали по два и более срока эксплуатации. Укомплектованность подразделений охраны, режима и надзора пультами оперативной связи составляет 25%, из которых 40% выработали установленные сроки нормы эксплуатации и подлежат ремонту или списанию. Уровень технической оснащенности оперативных служб СИЗО и тюрем составляет 17,6% от установленных норм табельной положенности. Оперативные подразделения учреждений, исполняющих уголовные наказания, находятся в еще более сложных условиях, имея техническую оснащенность на уровне 12%. Значительная часть имеющихся технических средств морально устарела, ресурсные сроки их эксплуатации истекли.

Так, может быть, сначала надо обеспечить нормальное функционирование действующей системы, а потом разрабатывать глобальные проекты по ее реформированию?

Никто из разработчиков не говорит об экономическом обосновании реформы ФСИН. Но ведь деньги потребуются не только на строительство тюрем, перепрофилирование колоний. При переходе на тюремный вариант неминуемо возрастет численность личного состава самой ФСИН!

И, вообще, не создадим ли мы нечто худшее, чем ГУЛАГ? Ведь в тюрьмах в основном не будет никакой работы, ограничено пребывание на воздухе. Гноить людей заживо – это лучше ГУЛАГа?

И это прекрасно понимают обитатели нынешних колоний, особенно “паханы”, “авторитеты”, “воры” и “смотрящие”. И у них нет желания идти в “крытку” – так называют тюрьмы на “фене”. Не вызовет ли сама подготовка к такой “реформе” бунты в колониях?

Что касается колоний-поселений с “усиленным наблюдением”, то чем они будут отличаться от действующих исправительных колоний? Тем более что размещаться будут на их базах.

Колонии-поселения с обычным режимом планируется организовывать либо на больших стройках либо в городах с крупными промышленными предприятиями, где в большом количестве требуется труд невысокой квалификации.

А как здесь будут обстоять дела с охраной?

Реформу предлагается завершить к 2016 году. Это означает, что все 500–600 тыс. осужденных должны быть переведены из колоний в тюрьмы до этого срока. Но у многих сроки лишения свободы обязывают содержать их именно в колониях. Ведь перевод в тюрьму – это ухудшение положения осужденного. Здесь нужен новый приговор суда. А за одно и то же преступление и по международным нормам, и по нашим законам не судят. Значит, не просчитаны даже основополагающие положения реформы?

И самое главное. Избавит ли предлагаемая реформа ФСИН от раковой опухоли пыток, унижений, издевательств и коррупции? Станет ли система в условиях приоритета тюрьмы более открытой?

Говоря о наказании, нельзя не коснуться вопроса СМЕРТНОЙ КАЗНИ. В США, Китае никто не собирается отказываться от этой исключительной меры наказания, особенно в условиях кризиса и связанных с ним криминальных последствий. Газета Wall Street Journal в ноябре 2007 г. опубликовала результаты исследования американских профессоров Роя Адлера и Майкла Саммерса, в соответствии с которыми С КАЖДОЙ КАЗНЬЮ В КАЖДОМ ПОСЛЕДУЮЩЕМ ГОДУ ПРОИСХОДИТ НА 75 УБИЙСТВ МЕНЬШЕ.

Данные других американских исследований также подтверждают *превентивное значение смертной казни*. Так, по данным преподавателей универси-

тета Эмори, каждая казнь преступника предотвращает в среднем 18 убийств. Исследователи Хьюстонского университета подсчитали, что введенный в 2000 г. в действие мораторий на смертную казнь в штате Иллинойс прямо или косвенно спровоцировал убийство 150 человек за четыре года.

Как здесь не вспомнить Александра Сергеевича Пушкина:

*Потворствовать греху есть то же преступленье;
Карая одного, спасаю многих я.*

Для справки. Смертная казнь в Соединенных Штатах.

С тех пор, как в 1976 г. вновь была введена смертная казнь, в США за определенные федеральные преступления, а в ряде штатов также за убийства и насильственные преступления было казнено более 1000 человек (1976–2007 гг.).

В 1976 г. Верховный Суд США постановил, что смертная казнь не является нарушением Восьмой поправки к Конституции США, которая запрещает жестокое и необычное наказание. Это постановление было принято после десятилетнего моратория на исполнение приговоров о высшей мере наказания.

В 2008 г. в США смертная казнь грозила преступникам в 36 штатах. 14 штатов и г. Вашингтон отменили смертную казнь.

Федеральные законы, предусматривающие смертную казнь, охватывают следующие преступления, связанные с насильственной смертью: убийство с применением огнестрельного оружия вследствие приема наркотиков, нарушение гражданских прав, повлекшее за собой убийство, убийство в связи с сексуальной эксплуатацией детей, убийство в связи с угоном автомобиля или похищением человека и изнасилование с убийством. Не связанные с насильственной смертью человека преступления, которые наказуемы смертной казнью, включают в себя шпионаж, государственную измену и торговлю большими партиями наркотиков.

В России с 1997 г. исполнение смертной казни не применяется.

Количество исполненных смертных приговоров в Российской Федерации выглядит следующим образом: 1991 г. – 15 казней; 1992 – 1; 1993 – 4; 1994 – 19; 1995 – 86; 1996 – 53; 1997 – 0.

Осуждено к смертной казни: 1991 г. – 147 чел.; 1992 г. – 152 чел.; 1993 г. – 164 чел., 1994 г. – 160 чел., 1995 г. – 141 чел., 1996 г. – 153 чел., 1997 г. – 108 чел., 1998 г. – 77 чел.

Помиловано: 1991 г. – 37 чел., 1992 г. – 55 чел., 1993 г. – 149 чел., 1994 г. – 134 чел., 1995 г. – 5 чел., 1996 г. – 0 чел., 1997 г. – 0 чел., 1998 г. – 149 чел.

До ноября 2009 г. в России действовало постановление Конституционного Суда № 3-П от 2 февраля 1999 г., в соответствии с которым смертная казнь в нашей стране не может применяться, пока во всех субъектах федерации не будут созданы суды присяжных.

В конце 2008 г. наши законодатели решили вывести террористов, диверсантов, мятежников из-под юрисдикции суда присяжных. И так сконструировали новую редакцию статей УК, что теперь этим особо опасным преступникам смертная казнь не грозит. А значит, они не могут требовать суда присяжных.

Получилась полная ШИЗОФРЕНИЯ: человек, совершивший убийство, например, из хулиганских побуждений, или из кровной мести, или общеопасным способом, или убивший двух и более человек, может быть приговорен к смертной казни, а террорист, взорвавший десятки людей, – нет. **Нет для террориста-убийцы такого наказания в новой редакции УК.**

После взрывов в московском метро 29 марта 2010 г. те же законодатели потребовали применять смертную казнь к террористам. Но здесь тоже явная раздвоенность сознания.

С января 2010 г. заканчивался срок действия постановления Конституционного Суда, которое не позволяло применять смертную казнь до создания суда присяжных.

Госдума вновь уклонилась от принятия решения по 6-му протоколу о смертной казни. В Конституционный Суд обратился Верховный Суд с просьбой разъяснить ситуацию с применением смертной казни.

19 ноября 2009 г. Конституционный Суд рассмотрел этот вопрос и принял Определение № 1344-О. В этом документе говорится, что «в Российской Федерации на основе Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее правовых актов смертная казнь как наказание уже длительное время не на-

значается и не исполняется. В результате столь продолжительного по времени действия моратория на применение смертной казни, элементом правовой основы которого является Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П во взаимосвязи с другими его решениями, сформировались *устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни (? – Авт.)* и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого – с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, – происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания, носящей временный характер (“впредь до ее отмены”) и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода”.

Фактически КС отменил смертную казнь в России.

А что делают в это время американцы? Они продлили срок действия своего специального закона “Патриот” (принятого после 11 сентября 2001 г.), где **применение смертной казни за федеральные преступления распространяется на лиц, причастных к террористическим актам, приводящим к гибели людей** (в том числе тех, кто доставляет материалы для совершения терактов, тех, кто участвует в заговоре о нападении на систему общественного транспорта, и тех, кто участвует в нападении на суда и морские объекты).

Но особого уважения заслуживает ответ США на заявление Евросоюза в связи с институтом смертной казни в США (от 10 февраля 2010 г.).

Приведем полностью текст выступления временного поверенного в делах США Кэрол Фуллер на заседании Постоянного совета ОБСЕ в Вене:

“Мы благодарим Европейский союз за выраженное беспокойство по поводу института смертной казни в Соединенных Штатах, и мы понимаем его озабоченность.

Как мы уже неоднократно указывали, применение смертной казни в Соединенных Штатах является решением демократически избранных правительств на федеральном уровне и на уровне отдельных штатов и не запрещено международным правом. Кроме того, наличие института смертной казни не является нарушением обязательств в рамках ОБСЕ. *Народ в большинстве штатов, действуя через своих свободно избранных представителей, решил продолжать применение смертной казни (выд. – Авт.)*.

Судебная система США предоставляет исчерпывающие механизмы защиты, которые необходимы для того, чтобы смертная казнь не применялась внесудебным или произвольным образом, либо в результате упрощенного судопроизводства. Действительно, по вопросу, поднятому сегодня Европейским союзом, аспекты данного дела были рассмотрены апелляционными судами штатов, федеральным окружным судом – дважды – и Верховным Судом Соединенных Штатов Америки. Верховный Суд США неоднократно выносил решение о том, что смертная казнь сама по себе не является нарушением Конституции США. Тем не менее смертный приговор может быть приведен в исполнение только с соблюдением многочисленных надлежащих правовых процедур и требований в отношении равной защиты, а также после исчерпывающего рассмотрения апелляций.

Хотя обеспечение надлежащей защиты прав обвиняемого имеет большое значение, мы не можем забывать о жертвах и характере совершенных преступлений (выд. – Авт.). В данном случае Джонс в 1995 году признан виновным в совершении жестокого разбойного нападения, изнасилования и убийства Мэри Брэдфорд, при этом он также избил и подверг пыткам ее одиннадцатилетнюю дочь. Все это произошло при обстоятельствах столь тяжелых для восприятия и ужасных, что я не могу их здесь описать.

Господин председатель, вопрос о применении смертной казни по-прежнему является предметом энергичной и открытой дискуссии среди американцев, и мы передадим властям в Соединенных Штатах заявление об озабоченности, с которым выступил Европейский союз”.

Отметим здесь два важнейших обстоятельства, о которых “забыл” в своем определении Конституционный Суд России. Первое: не орган конституционного надзора, а НАРОД ДОЛЖЕН РЕШАТЬ, продолжать смертную казнь или нет. Второе: при решении об отмене смертной казни МЫ НЕ МОЖЕМ ЗАБЫВАТЬ О ЖЕРТВАХ. А Конституционный Суд больше озабочен о том, что якобы УБИЙЦЫ ПОЛУЧИЛИ УСТОЙЧИВУЮ ГАРАНТИЮ ПРАВА НЕ БЫТЬ ПОДВЕРГНУТЫМИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

Заключение

Для прогноза развития кризиса и его криминальных последствий наиболее продуктивно использовать метод *аналогии*. Вспомним, что в период “шоковых реформ”, когда рушилась российская промышленность, останавливались градообразующие предприятия, во многих регионах и городах России власть бездействовала или имитировала деятельность. Но известно – “свято место пусто не бывает”. Властные функции сразу перехватывались мафиозными, сепаратистскими, националистическими лидерами и их структурами. Долгим и кровавым был процесс восстановления ВЛАСТИ РЕАЛЬНОЙ. Во многих местах этот процесс восстановления до своего завершения так и не был доведен.

В этой связи следует согласиться с Андреем Серенко в том, “что именно российская организованная преступность (частью которой являются и коррумпированные бюрократические кланы) окажется в наибольшем выигрыше от нынешнего мирового кризиса и связанной с ним деиндустриализацией региональных экономик. Бессилие официальных властей в решении социальных проблем, разрушение промышленного образа жизни для десятков тысяч молодых мужчин, их семей, актуализация архаических практик социального и политического поведения, доиндустриальных способов жизнеобеспечения неизбежно приведут к резкому повышению социальной роли криминально-мафиозных “семей”, организованных преступных кланов. “Крестные отцы” этих “семей” (в том числе из числа высокопоставленных коррумпированных чиновников) получают возможность переключить на себя рычаги управления социально-политическими процессами во многих субъектах РФ” (А. Серенко. Архангельский реванш. Независимая газета, 18 февраля 2009).

Нынешняя возможная потеря властного управления даже на региональном уровне может стать КАТАСТРОФИЧЕСКОЙ. Поэтому необходима отработка всех вариантов развития событий и алгоритмов действий.

Главное, чтобы эти алгоритмы и сами действия были направлены не против народа, массы которого кризис выбрасывает на улицу, а против криминальных структур, пытающихся использовать кризис для достижения своих *алчных целей*.

Кризис заставляет переосмысливать экономическую и социальную политику. Заставляет он *переосмысливать и уголовную политику*. Многие решения, казавшиеся правильными и устоявшимися, на поверку оказываются такими же “мыльными пузырями”, как и представлявшие правильными экономические решения.

Кризис – это и СУД БОЖИЙ и ОЧИЩЕНИЕ. Очищение всех видов политики от нароста лжи и самообмана.